

УДК: 616.89

DOI: <https://doi.org/10.17816/nb108946>

Магическое мышление в норме и при патологии: обзор литературы

М.С. Чертищев

Казанский государственный медицинский университет, Казань, Россия

АННОТАЦИЯ

Проведён анализ научной литературы по проблеме магического мышления. Даны обзор исследований по данной проблеме в исторической перспективе (работы представителей английской антропологической и французской социологической школ, психоаналитического направления), различные описания структуры магического мышления и возможных причин развития. Представлен краткий обзор экспериментальных исследований магического мышления у людей без психической патологии. Также приведены описания магического мышления у детей. Рассмотрены исследования магического мышления при различных видах психической патологии как одной из форм «психозоподобных переживаний» (psychosis-like experiences), а также в качестве феномена «слияния мысли и действия» (thought action fusion).

Ключевые слова: суеверия, иррациональное мышление, магическое мышление, когнитивные искажения, психозоподобные переживания.

Для цитирования:

Чертищев М.С. Магическое мышление в норме и при патологии: обзор литературы // Неврологический вестник. 2022. Т. LIV. Вып. 4. С. 32–44. DOI: <https://doi.org/10.17816/nb108946>.

DOI: <https://doi.org/10.17816/nb108946>

Magical thinking in normal and pathological conditions: literature review

Michail S. Chertishchev

Kazan State Medical University, Kazan, Russia

ABSTRACT

The scientific literature analysis on a magical thinking problem was conducted. A review of studies in a historical perspective on this problem was given (English anthropological and French sociological schools, psychoanalysis views), various descriptions of magical thinking structure and possible causes of its development were discussed. A brief review of experimental studies of magical thinking of people without mental pathology is described as well as a specificity of magical thinking in children's mind. The study of magical thinking in various mental pathologies is considered as one of the forms of "psychosis-like experiences", as well as the phenomenon of "thought action fusion".

Keywords: *superstition, irrational thinking, magical thinking, psychosis-like experiences.*

For citation:

Chertishchev MS. Magical thinking in normal and pathological conditions: literature review. *Neurology Bulletin*. 2022;LIV(4):32–44. DOI: <https://doi.org/10.17816/nb108946>.

Магическое мышление в настоящее время представляет собой одну из актуальных проблем как психиатрии и психологии, так и социальных наук. Увеличение интереса к данной проблеме обусловлено распространённостью этого явления среди населения¹. Особый интерес представляет изучение магического мышления как неопределённого феномена с точки зрения психической нормы и патологии, а также его специфичности для той или иной категории расстройств, учитывая развивающиеся в настоящее время дифференциальный и спектральный подходы в понимании психической патологии [1].

Понятие магического мышления в научной литературе имеет несколько схожих определений:

– убеждение, согласно которому посредством символических физических и/или умственных действий можно оказывать значительное или решающее влияние на подлинные причины происходящего в действительности [2];

– убеждение, что мышление приравнивается к действию [3];

– вера в то, что думать о чем-то, что может произойти, означает то же, что вызывать это событие [4];

– убеждение в том, что слова, мысли или действия человека могут привести к особому эффекту или предотвратить особый эффект, который в некотором роде не поддаётся общему объяснению причинно-следственной связью [5].

В.А. Жмуров даёт два близких определения феномену [2]:

– уверенность индивида в том, что всё, происходящее в настоящее время, является точным воплощением его предшествующих мыслей, фантазий или сновидений об этом, то есть является результатом его умственной деятельности;

– бредовое или бредоподобное убеждение, согласно которому желания, надежды или мысли могут оказывать непосредственное влияние на внешнюю действительность («мысли материальны, из-за них всё и происходит»).

Этот же автор описывает «симптом всемогущества мыслей» (состояние, при котором пациенты считают, что их мысли немедленно или через некоторое время воплощаются в реальность с абсолютной, фотографической точностью). Согласно Р.Е. Меехл, магическое мышление — это «представление о том, что события, которые не могут иметь причинно-следственные связи, влияют друг на друга» [6]. Е.Г. Карагодина выделяет основные его признаки: «игнорирование законов логики,

нечувствительность к объективным причинно-следственным связям, принцип “жёсткого” детерминизма, анимизм, оценка событий по принципу “после того, значит, вследствие того”» [7].

В когнитивной науке данный феномен понимают как связывание объектов одной категории знания законами причинности другой [8]. Согласно Ю.В. Саенко, мифологическое мышление в отличие от логического вместо логических связей использует ассоциативные, основанные на смежности явлений по принципу времени и пространства [9].

В наиболее ранних исследованиях отмечают эволюционистские тенденции, согласно которым магическое мышление представляет собой определённый этап в развитии мышления человека, предшествующий современному, логическому и рациональному, поэтому «магическое мышление» в исследованиях часто именуют «пралогическим», «дологическим», «первобытным» или «архаическим». Считают, что данный феномен характерен для представителей архаичных культур.

Первыми исследователями, кто заинтересовался феноменом магического мышления, были антропологи и социологи. Дж. Фрейзер выделял два принципа, на которых оно основано. Первый — закон подобия, согласно которому «подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину». Второй — закон соприкосновения или заражения («вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта»). Оба этих принципа автор называет «способами злоупотребления связью идей». На этом основании выделяет два вида магии: имитативную и контактиозную. Имитативная предполагает связь идей по сходству; контактиозная основана на связи идей по смежности [10].

Другой антрополог Э. Тайлор считал, что магическое мышление — результат простого заблуждения. Человек ещё на раннем этапе развития мышления научился создавать связи в мысли между вещами, которые он воспринимал связанными между собой в действительности, но в дальнейшем он ошибочно искажил эту связь, полагая, что мысленная ассоциация должна предполагать такую же связь и в реальности [11].

Т. Рибо и Г. Майер выделяли два типа мышления — эмоциональное и рациональное.

¹Исследования левада-центра. <https://www.levada.ru/2017/11/16/17049/>.

Эмоциональное мышление, несмотря на то, что оно преобладало в древности у первобытных людей, с развитием человечества не исчезло и остаётся актуальным и в настоящее время. Связано это с тем, что, по мнению авторов, рациональная логика не может охватить всю широту человеческого познания и деятельности. Основное отличие эмоционального мышления от рационального — принцип конечности. В актах эмоционального мышления процесс познания уходит на второй план, эмоциональная логика концентрируется на аффективно-заряженной цели и направляется ей [12, 13].

Л. Леви-Брюль считал, что мистическое первобытное сознание искажает принцип причинности. К примеру, носители магических представлений могут ассоциировать явления в зависимости от последовательности во времени, а не по истинным причинно-следственным связям. При этом автор отмечает, что данное условие характерно, но недостаточно для объяснения организации магического мышления. При построении магических причинно-следственных связей часто не замечают более очевидные последовательности. Мистическое мышление наполнено культурально обусловленными коллективными представлениями, при этом оно мало проницаемо для опыта.

Согласно Л. Леви-Брюль, основной принцип организации магического мышления — закон партиципации, то есть сопричастности между предметами и явлениями. Партиципация может существовать в разных формах, таких как перенос, соприкосновение, симпатия. Коллективные представления создают такую сопричастность при помощи аффекта.

Автор использует термин «пралогический» для обозначения такого типа мышления. Логика присутствует в нём, но не имеет первостепенного значения, уступая место направляющей силы закону партиципации. Синтезы в пралогическом мышлении не являются следствием предварительного анализа, а уже даны сразу, вместе с представлениями. Синтезы в мышлении первобытного человека почти всегда бывали неразложимыми. Именно поэтому магическое мышление труднопроницаемо для опыта и не восприимчиво к противоречиям. Партиципация определяет процессы абстрагирования и обобщения под влиянием эмоций, которые, в свою очередь, формируются коллективными представлениями. Таким образом формируется магическое толкование различных явлений и обстоятельств [14].

З. Фрейд описывал феномен «всемогущества мыслей» (словосочетание, которое автор позаимствовал у своего пациента, страдавшего неврозом навязчивостей). Использование магии у первобытных людей Фрейд сравнивал с поведением ребёнка (имитация желаний ребёнка в игре сравнивается с подобными принципами имитации в магических манипуляциях древних людей). Проявление «всемогущества мыслей» в детстве Фрейд объяснял особенностями разных стадий психосексуального развития. «Всемогущество мыслей», возникающее у современного человека во взрослом состоянии, по мнению основателя психоанализа, представляет собой проявление невроза [15].

Магическое мышление упоминают авторы психоаналитического направления и в дальнейшем. Согласно Э. Берну, многие суеверия основаны на переоценке мыслей и чувств, представлении об их всемогуществе. Он же говорил об эмоциональной насыщенности суеверий, что и способствует искажению образов окружающего мира [16]. Э. Фромм подчёркивал атрибутивную функцию суеверий. Внешним силам приписывают причины совершаемых человеком поступков [17].

Е.В. Субботский выделял четыре основных класса событий, рассматриваемых в научной литературе как проявления магического [18]:

- 1) прямое воздействие сознания на материю, такое как перемещение или сотворение физических объектов чистым усилием воли;
- 2) внезапное приобретение спонтанности (способности к чувствам или действиям) неодушевлёнными физическими объектами;
- 3) нарушение фундаментальных физических законов перманентности объекта, когда физический объект внезапно меняет свою форму, появляется из ничего или бесследно исчезает из мира;
- 4) верования в то, что некие объекты (камни, черепа) или действия (скрестить пальцы, постучать по дереву) приносят удачу или влияют на ход внешних событий.

Могут формироваться их различные комбинации.

Автор считал, что магическое мышление характерно для детей, при этом он также полагал, что во взрослом состоянии оно не исчезает, а переходит в адекватные ей сферы реальности (мифы, сказки, сновидения) и при определённых условиях может проникать и в обыденную реальность.

Е.В. Субботский описывал ряд экспериментов, которые показывают, что даже взрослые образо-

ванные люди, на словах отрицающие веру в магическую причинность, в ситуациях, связанных с повышенным риском, могут демонстрировать такую веру своим поведением.

Похожие эксперименты проводили и другие исследователи. Установлено, что и образованные взрослые часто неосознанно следуют принципу, согласно которому мысль может оказывать прямое воздействие на реальность (то есть закону партиципации). Испытуемые в ходе экспериментов следовали как «закону подобия», так и «закону заражения». Это происходит даже в случае критической оценки подобных убеждений [18].

Е.В. Субботский также связывал магическое мышление с гипотезой, согласно которой сознание человека связано со способностью находиться сразу в двух мирах одновременно: реальном, обыденном и воображаемом, магическом. Причём у детей до 9–10 лет эта граница нестабильна, и магическая реальность прорывается в обыденную, в связи с чем детям нужно усилие для того, чтобы эти две реальности разграничить. Автор выделял особый психологический механизм, который называл «усилием для разграничения реальностей». Он считал, что исторически, с развитием культуры этот механизм стал автоматизированным и неосознаваемым. Магическое мышление, с точки зрения автора, является одним из проявлений нарушения этого механизма [19].

В.А. Жмуров писал, что магическое может сосуществовать с другими типами мышления, одновременно с более сложными и развитыми когнитивными программами. Иногда в определённых ситуациях структуры магического мышления могут применяться вопреки рациональным. Автор отмечает, что на сегодняшний день нет серьёзных научных доказательств того, что проявление магического мышления — регресс в сторону филогенетически более древнего или детского уровня, как это часто рассматривают в литературе. «Больше оснований считать, что по мере распада или торможения высших инстанций мышления некоторые сохранившиеся фрагменты его структуры интегрируются под влиянием эмоций таким образом, что возникающие ментальные образования приобретают некоторое сходство с магическим мышлением» [2].

Во многих источниках магическое мышление рассматривают как норму для детей в возрасте 3–5 лет [3, 5, 21]. Ж. Пиаже, исследуя развитие логического мышления детей, отмечал наличие

у них магического мышления, которое обусловлено неспособностью детей осознавать, что их разум отделён от остального мира. Оно может проявляться в анимизме (дети думают, что неодушевлённые предметы живы), а также в том, что дети не способны отличить предмет от его имени (цветок в сознании ребёнка под любым другим названием уже не будет цветком). Ж. Пиаже отмечал, что магическое мышление постепенно исчезает у детей с возрастом. Происходит это в связи с накоплением ими объективных представлений о реальности [22].

Ряд исследований, том числе экспериментальных, также подтверждал, что магическое мышление особенно характерно для детского возраста [23]. А.И. Захаров, описывая патогенез детских неврозов, утверждал, что для детей дошкольного возраста характерно магическое мышление, следствием которого могут быть различные детские страхи (стихии, таинственных явлений, стечений обстоятельств) [24]. Отмечено, что для детей до 7 лет характерен только имитативный вариант магического мышления, дети не способны к контактно-информационному из-за недостаточности развитого абстрактного мышления и невозможности осмыслить и представить невидимое событие или его результат [25]. В исследовании, где сравнивали детей разного возраста, показано, что по мере взросления выраженность магического мышления уменьшается. Установлено, что она продолжает уменьшаться с возрастом и у взрослых. Пожилые люди менее склонны к магическому мышлению, чем молодые [26].

Важно отметить, что магическое мышление взрослого человека и ребёнка — схожие, но не аналогичные феномены. Магическое мышление взрослых — это не остаток иррационального детского мышления, а сложный когнитивный процесс, сосуществующий с рациональностью и требующий сложных концепций, развитого символического и абстрактного мышления, чем не обладает ребёнок [25].

На вопрос о патологичности магического мышления у взрослого человека как представителя современной культуры не существует единой точки зрения: различные авторы предлагают рассматривать его и как способ мышления, в разной степени присущий всем людям, и как стойкое заблуждение, и как симптом различных психических расстройств или фактор предрасположенности к ним [2, 27]. Одни исследователи считают, что магическое мышление следует

подвергать коррекции как когнитивную ошибку [28], другие же наоборот предлагают использовать его в терапевтических целях [29].

Ю.В. Саенко, как и ряд других авторов, считал, что два типа мышления могут сосуществовать одновременно: логическое (рациональное) и мифологическое, являющееся источником суеверий. Мифологическое может регулировать обыденные, житейские ситуации, а логическое направлено на то, что касается науки и знаний, связанных с профессиональной деятельностью. Он считал, что магическое мышление свойственно людям независимо от их интеллекта, пола, возраста и социального статуса [30]. И.Я. Стоянова считала, что магическое мышление на бессознательном уровне присуще всем [31], а И.Д. Ялом утверждал, что магические представления универсальны и в разной степени осознанности характерны для каждого [32].

Б.С. Положий также считал, что магическое мышление может существовать на непатологическом (психологическом) уровне как стойкое заблуждение. При этом автор выделял особое психопатологическое состояние, при котором магические убеждения «становятся психопатологическими явлениями, приобретая характер сверхценных либо доминирующих идей, которые крайне трудно поддаются коррекции в связи с их высокой эмоциональной насыщенностью и тесной связью с патологически изменённой личностью» [33].

Для данного состояния автор использовал термин «магифренический синдром», или «магифрениа» [27, 33]. Выделял диагностические критерии «магифрениа»:

- расстройство мышления в форме сверхценных (доминирующих, бредаподобных) идей мистического содержания;
- эмоциональная насыщенность мистических убеждений;
- отсутствие критики к ним;
- резкое сужение круга интересов за пределами доминирующей идеи;
- изменение привычного жизненного стереотипа.

В национальном руководстве по психиатрии «магифрениа» описана как один из трёх вариантов расстройства адаптации: вызванных социальным стрессом (дистресс, связанный с крупномасштабными и радикальными изменениями в жизни общества), наряду с двумя другими — аномическим и диссоциальным [27]. Однако «маги-

френиа» в современных классификациях не выделяют ни как отдельную нозологическую единицу, ни как отдельный психопатологический синдром. Под «магифренией» понимают и бред магического содержания, и магическое мышление, и страхи, связанные с верой в потусторонние силы, что некорректно, так как объединены эти явления по содержанию, а не по структуре и клинико-психопатологическим особенностям [2].

Распространение иррациональности и магического мышления в кризисные периоды жизни общества упоминают и другие авторы [34, 35]. Установлено, что у людей, проживающих в районах боевых действий и испытывающих сильный стресс, склонность к магическому мышлению и суевериям выше [36].

Существует ряд исследований, обнаруживающих взаимосвязь магического мышления с различными формами психологической защиты. Так, магическое мышление рассматривают как защитный механизм при последствиях детских травм [37]. Согласно И.Д. Ялому, мистические представления выполняют функцию защиты индивида от «страха старения и смерти, от страха перед реальностью». При этом И.Д. Ялом считал, что задача психотерапии — «борьба с магией» и предпочтение рациональности [32].

Д.В. Ольшанский рассматривал суеверия как механизм психологической защиты от тревоги перед ситуациями неопределённости, механизм, обеспечивающий психологический контроль [37].

И.Я. Стоянова занималась исследованием магического мышления как одной из форм так называемых пралогических образований в рамках изучения защитных стратегий, проявляющихся у людей, страдающих психическими расстройствами непсихотического уровня: невротическими, психосоматическими и аддиктивными [31]. В её исследованиях отмечена общая тенденция большей склонности людей, страдающих невротическими и психосоматическими расстройствами, к различным формам верований и суеверий, снижению причинно-следственных связей и опоре на традиции и действия магических сил. При этом в группе нормы магическое мышление (пралогическая защита), помимо функции психологической защиты, служит стратегией совладания с проблемными ситуациями и ресурсом, повышающим эффективность самоорганизации. У здоровых испытуемых пралогические защиты дополняли различные уровни индивидуального реагирования [38].

О.В. Суворова считала магическое мышление малоэффективной и неадаптивной копинговой стратегией, проявление которой связано с ранними психологическими травмами и переживанием беспомощности «перед лицом враждебного мира» [39]. Она же выделяла так называемые предикторы магического мышления:

- эклектичное мировоззрение («сочетание магической, религиозной и научной картины мира»), искажение причинно-следственных связей и соблюдение принципа жёсткого детерминизма;

- повышенная тревожность, склонность к сверхконтролю;

- аффективное воображение и склонность к эскапизму.

С.Н. Ениколопов и Э.Э. Байрамова считали, что магическое мышление часто сопутствует различным психическим нарушениям и лишь в редких случаях может служить способом совладания со стрессовыми ситуациями, но чаще оно затрудняет процесс выздоровления и социальной адаптации [40].

Некоторые авторы отмечали, что магическое мышление имеет сходство с различными формами психической патологии. Е.Г. Карагодина указывала, что магические убеждения, присущие людям, занимающимся целительством, имеют признаки, характерные для бредовых идей, а их формирование сходно с механизмами образования бредовых симптомов [41]. Различными авторами было показано, что высокая выраженность магического мышления может быть симптомом расстройства шизофренического спектра или свидетельствовать о предрасположенности к нему [42]. В ряде работ отмечена бóльшая склонность к магическому мышлению пациентов с шизофренией [43, 44].

Р.Е. Meehl установил, что для людей, предрасположенных к шизофрении, характерны проявления магического мышления [6]. R.L. Spitzer, J. Endicott и M. Gibbon на основе исследований считали его характерным симптомом шизотипического расстройства [45]. В исследованиях L. George и R.W.J. Neufeld была установлена разница в уровне магического мышления между здоровыми взрослыми и больными шизофренией. У здоровых он значительно ниже. Авторы предполагают, что магическое мышление может нести в себе специфику шизофренического расстройства [46]. В исследовании M. Eckblad и L.J. Chapman показано, что у пациентов с высоким уровнем

магического мышления по сравнению с группой контроля больше аффективных симптомов, психотического опыта и трудностей в концентрации внимания [47].

Следует отметить, что магическое мышление — симптом, который в совокупности с другими служит критерием постановки диагноза «шизотипическое расстройство» в международной классификации болезней 10-го пересмотра, как в оригинальной, так и в адаптированной российской версии.

Нередко магическое мышление рассматривают как одну из форм так называемых «психозоподобных переживаний» (psychosis-like experiences), понимаемых как подпороговые, неклинические формы психотических симптомов [48]. Подобные переживания исследовали на выборке почти 1500 подростков, не имевших психиатрических диагнозов, и около половины респондентов сообщили о переживаниях, относящихся к магическому мышлению [49]. На магическое мышление как на одно из самых распространённых «psychosis-like experiences» среди подростков указано и в других работах [50].

В исследовании продромальных симптомов у больных шизофренией магическое мышление указано как одно из наиболее часто встречающихся [51]. B. Nelson, P. Fusar-Poli и A.R. Yung отмечали, что в отличие от других «психозоподобных переживаний» (в качестве таковых понимают параноидальные идеи, причудливое мышление и аномалии восприятия) магическое мышление указывает на наименьший риск дальнейшего развития психического расстройства, хотя в целом персистирующие формы «psychosis-like experiences» рассматривают как фактор высокого риска [52].

Также исследовали взаимосвязи «психозоподобных переживаний» с дистрессом, депрессией и социальной дезадаптацией. Магическое мышление, в отличие от других, не было связано ни с одним из этих явлений [53]. В другом исследовании было показано, что магическое мышление по сравнению с другими симптомами обнаруживает наиболее слабую корреляцию с уровнем воспринимаемого стресса [54].

На русскоязычной выборке сравнение уровня магического мышления в группах пациентов с различными психическими расстройствами и здоровых испытуемых не показало никаких различий [55]. Однако была установлена прямая взаимосвязь между магическим мышлением и

идеаторными нарушениями (конкретно — со снижением уровня обобщения) [56].

Опубликовано несколько исследований, в которых изучали место феномена магического мышления в структуре обсессивно-компульсивного расстройства [57]. R.E. Fite, S.L. Adut и J.C. Magee считают, что магическое мышление позволяет пациентам с обсессивно-компульсивным расстройством обрести чувство контроля при возникновении навязчивостей [58].

Связь магического мышления с чувством утраты контроля описана ещё в исследовании [59], кроме того, установлено, что чем меньше толерантность к неопределённости, тем выше уровень магического мышления [60]. Ряд исследователей считают магическое мышление центральной когнитивной конструкцией у людей с обсессивно-компульсивным расстройством [57].

В исследованиях магического мышления в его связи с различными психическими расстройствами выделяют два типа описываемого феномена: «магическое представление» (magical ideation) и «слияние мысли и действия» (TAF — от англ. thought action fusion). Именно второй тип наиболее хорошо изучен как когнитивный феномен при различных психических нарушениях. TAF понимают как процесс, при котором мысли воспринимаются как оказывающие влияние, аналогичное внешним действиям [61].

Впервые этот феномен описали S. Rachman и P.M. Salkovskis в рамках своей когнитивной теории навязчивых идей [62, 63]. В дальнейшем R. Shafran, D.S. Thordarson и S. Rachman была разработана тестовая методика оценки TAF, с помощью которой исследовали взаимосвязи данного феномена с различными психическими расстройствами (депрессиями, обсессивно-компульсивным расстройством, тревожными расстройствами, расстройствами пищевого поведения, шизофренией и шизотипическим расстройством). Выделяли два компонента TAF: «прогностический» (вера в то, что мысли о неприемлемом или тревожном событии повышают вероятность его возникновения) и «моральный» (вера в то, что наличие неприемлемой мысли становится моральным эквивалентом совершения неприемлемого или тревожного действия) [64]. Результаты показывают, что «прогностический» компонент больше связан с симптомами обсессивно-компульсивного расстройства и других тревожных расстройств, тогда как «моральный» — с симптомами депрессии [61]. Ещё в одном исследовании

была показана положительная связь между TAF и алекситимией [65].

Магическое мышление изучали и при ряде других заболеваний и расстройств психиатрического круга. B.T. Wildt и U. Schultz-Venrath исследовали магическое мышление у пациентов с рассеянным склерозом, предполагая, что его выраженность должна повыситься при данной патологии. Авторы связывали это с потерей контроля над жизнью у пациентов. При этом разницы между здоровыми и больными обнаружено не было, но уровень магического мышления коррелировал у тех и других с диссоциацией, что исследователи объясняли защитной функцией суеверий [66].

Существуют данные, демонстрирующие, что у пациентов, страдающих невротическими расстройствами, гораздо более выражена вера в сверхъестественные способности и различные приметы, а также склонность создавать собственные приметы и ритуалы и следовать им [67]. Ю.В. Саенко приводил исследование, где отмечена прямая взаимосвязь суеверности и тревожности, а также суеверности и экстернальности (внешнего локуса контроля) [68].

В ряде работ затронута проблема взаимосвязи магического мышления и прогнозирования. Отмечено, что у людей, страдающих невротическими расстройствами, выражены «иррациональные установки, входящие в противоречие с установками, направленными на создание объективного прогноза изменяющейся ситуации» [69]. Установлено, что пациенты, страдающие невротическими расстройствами и имеющие более высокую склонность к суевериям, ниже оценивают вероятность негативного прогноза, что авторы связывают со слабой способностью к прогнозированию [70].

В ряде исследований изучали взаимосвязь магического мышления и зависимостей. И.Р. Абитов и соавт. показали, что люди, страдающие зависимостями, менее склонны к суевериям, чем здоровые, при этом у них больше выражена религиозность [71]. И.Я. Стоянова отмечала более высокий уровень верований и суеверий у страдающих алкоголизмом и наркоманией [31]. Отмечено также, что показатели магического мышления способствуют формированию ритуальных форм поведения, связанных с употреблением наркотиков и алкоголя, а также что дисфункциональные способы мышления, в том числе магическое мышление, характерны для подростков, склонных к азартным играм [72].

В другом исследовании обнаружена прямая связь магического мышления с частотой употребления каннабиса [73].

Таким образом, исследования, проводимые в разных странах и на разных языковых выборках (при использовании одних и тех же методов) нередко демонстрируют противоречивые результаты. Как следствие возникает вопрос о достоверности и универсальности таких исследований. На сегодняшний день не существует единого и универсального метода оценки магического мышления. Остаётся открытым вопрос о патологичности обсуждаемого феномена и его месте в

структуре различных психических расстройств или факторов предрасположенности к ним, что требует дальнейшего изучения.

ДОПОЛНИТЕЛЬНО

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Funding. This publication was not supported by any external sources of funding.

Conflict of interests. The author declare no conflicts of interests.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Короленко Ц.П., Шпикс Т.А. Психология и психиатрия спектральных психологических состояний и нарушений // Неврологический вестник. 2015. Т. XLVII. №3. С. 99–101. DOI: 10.17816/nb13965.
2. Жмуров В.А. Большая энциклопедия по психиатрии. 2-е изд. М.: Джангар; 2012. с. 465–466.
3. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. Пер. с англ. Е.Ю. Чеботарева. М.: Вече; 2000. с. 391.
4. Лексикон психиатрических терминов и относящихся к психическому здоровью терминов. 2-е изд. Под ред. В.Б. Поздняк. Geneva: World health organization; 1994. с. 74.
5. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. 5th ed. (DSM-5, DSM-V). Washington, DC, London: American Psychiatric Association; 2013. 970 p. ISBN 978-0-89042-554-1. ISBN 978-0-89042-555-8.
6. Meehl P.E. Manual for use with checklist of schizotypic signs. Minneapolis: University of Minnesota; 1964. 106 p.
7. Карагодина Е.Г. Социальные и индивидуальные аспекты современного мистического мышления (по материалам исследования целителей-экстрасенсов) // Социальная и клиническая психиатрия. 1997. Т. 7. №3. С. 67–89.
8. Lindeman M., Svedholm A.M., Takada M. et al. Core knowledge confusions among university students // Science & Education. 2011. N. 20. P. 439–451.
9. Саенко Ю.В. Суеверия как препятствие для личностного и профессионального развития. Акмеология: личностное и профессиональное развитие. В сб.: Материалы международной научной конференции, 7–8 октября 2004 г. М.: ИД «ЭКО»; 2004. с. 316.
10. Фрэнгер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. Пер. с англ. М.К. Рыклина. М.: Политиздат; 1980. с. 20–68.
11. Тейлор Э.Б. Первобытная культура. Предисл. и примеч. А.И. Першица. М.: Политиздат; 1989. с. 91–121
12. Рибо Т. Логика чувств. Пер. Л. Семенюта. СПб.: О.Н. Попова, 1905. с. 53–61.
13. Лапшин И.И. Психология эмоционального мышления Генриха Майера // Новые идеи в философии. СПб.: Образование. 1914. Вып. 16. С. 1–42.
14. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. Под ред. В.К. Никольского, А.В. Кисина. М.: Атеист; 1930. с. 85–118.
15. Фрейд З. Тотем и табу. В кн.: Фрейд З. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: Фирма СТД; 2008. с. 288–445.
16. Берн Э. Познай себя. О психиатрии и психоанализе — для всех, кто интересуется; Пер. с англ. А. Грузберга. Екатеринбург: ЛИТУР; 2004. с. 211–256.
17. Фромм Э. Бегство от свободы. Общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. М.: Прогресс; 1990. с. 6–27.
18. Субботский Е.В. Строящееся сознание. М.: Смысл; 2007. с. 171–263.
19. Субботский Е.В. Невидимая реальность: сознание в зеркале магического мышления // Психолог. 2015. №3. С. 33–67.
20. Мирошниченко Л.Д. Наркотики и наркомания. Энциклопедический словарь. М.: Перо; 2014. с. 175.
21. Стоименов И.А., Стоименова М.И., Коева П.И. и др. Психиатрический энциклопедический словарь. Киев: МАУП, 2003. с. 497.
22. Пиаже Ж. Речь и мышление ребёнка. Сост., новая ред. пер. с фр., коммент. Вал.А. Лукова, Вл.А. Лукова. М.: Педагогика-Пресс; 1994. с. 346–392.
23. Rosengren K., Hickling A. Metamorphosis and magic: The development of children's thinking about possible events and plausible mechanisms. In: Rosengren K., Johnson C., Harris P. Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. p. 75–98.
24. Захаров А.И. Происхождение и психотерапия детских неврозов. СПб.: КАРО; 2006. с. 28–48.
25. Levesque R.J.R. Magical thinking. In: Levesque R.J.R. Encyclopedia of adolescence. New York: Springer; 2011. p. 1635–1637.
26. Brashier N.M., Multhaup K.S. Magical thinking decreases across adulthood // Psychology and Aging. 2017. Vol. 32. N. 8. P. 681–688. DOI: 10.1037/pag0000208. PMID: 29239653.
27. Дмитриева Т.Б., Положий Н.С. Социальная психиатрия. В кн.: Психиатрия: национальное руководство, под ред. Т.Б. Дмитриевой, В.Н. Краснова, Н.Г. Незнанова, В.Я. Семке, А.С. Тиганова. М.: ГЭОТАР-Медиа; 2011. с. 147–149.
28. Суворова О.В. Магическое мышление как копинг-стратегия личности: социокультурный и онтогенетический аспекты // Нижегородский психологический альманах. 2020. Т. 1, №1. с. 211–220.
29. Kiken L.G. Mind-body therapy use and magical thinking // Social Science & Medicine. 2019. Vol. 237. P. 312–340. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.05.045. PMID: 31398509.
30. Саенко Ю.В. Суеверия как продукт мифологического мышления. В кн.: Творческое наследие А.В. Брушлинского и

- О.К. Тихомирова и современная психология мышления. М.: Институт психологии РАН; 2003. с. 46.
31. Стоянова И.Я. Прагматические образования в норме и патологии. Дис. д-ра психол. наук. Томск; 2007. 303 с.
32. Ялом И.Д. Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы. М.: Независимая фирма Класс; 2003. с. 73–77.
33. Королёва Е.Г. Деонтология в психиатрии. Учебно-методическое пособие. Гродно: УО «ГрГМУ»; 2009. с. 30–36.
34. Ковалёв В.Е. Магическое мышление в современном обществе. В сб.: Россия молодая. Сборник материалов XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2021, 20–23 апреля. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва; 2021. с. 94719.1–94719.7.
35. Стаценко А.Д. Харизма как ключ к пониманию природы магического мышления: философский аспект. В сб.: Актуальные проблемы современной науки: исторические, философские, методологические аспекты. Сборник статей Региональной научной конференции молодых учёных. 2021 г., 7 мая. Курск: ЗАО «Университетская книга»; 2021. с. 64–69.
36. Keinan G. Effects of stress and tolerance of ambiguity on magical thinking // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. Vol. 67. P. 48–55. DOI: 10.1037/0022-3514.67.1.48.
37. Ольшанский Д.В. Психология масс. Санкт-Петербург: Питер; 2001. с. 50–51.
38. Стоянова И.Я., Семке В.Я., Бохан Н.А. Прагматические образования в адаптивно-защитной системе у больных с психическими расстройствами непсихотического спектра и в норме (психологическая модель). НИИ психического здоровья Сибирского отд. Российской акад. мед. наук. Томск: Иван Фёдоров; 2009. с. 52–53.
39. Суворова О.В. Магическое мышление как копинг-стратегия личности: социокультурный и онтогенетический аспекты // *Нижегородский психологический альманах*. 2020. Т. 1. №1. С. 211–220. EDN: HDDZVZ.
40. Байрамова Э.Э. Магическое мышление и вера в магию в структуре психологических защит и копинг-стратегий // *Психология. Психофизиология*. 2021. Т. 14. №4. С. 5–13.
41. Карагодина Е.Г. Феномены изменённого восприятия у делителей-экстрасенсов: психопатологический и социокультурный анализ // *Социальная и клиническая психиатрия*. 1996. Т. 2. №6. С. 56–65.
42. Yung A.R., Buckby J.A., Cotton S.M. et al. Psychotic-like experiences in nonpsychotic help-seekers: associations with distress, depression, and disability // *Schizophrenia Bulletin*. 2006. Vol. 32. N. 2. P. 352–359. DOI: 10.1093/schbul/sbj018. PMID: 16254060.
43. Jarosz M., Pankiewicz Z., Buczek I. et al. Badania nad kształtowaniem się proporcji “myslenie realistyczne — myslenie magiczne” w schizofrenii paranoidalnej // *Psychiatria Polska*. 1993. Vol. 27. N. 4. P. 353–361. PMID: 8415996.
44. Байрамова Э.Э., Ениколопов С.Н. Исследование магического мышления у лиц с эндогенными психическими заболеваниями // *Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика*. Электронный научный журнал. 2016. N. 4. http://www.medpsy.ru/climp/2016_4_14/article03.php (дата обращения: 13.12.2022).
45. Spitzer R.L., Endicott J., Gibbon M. Crossing the border into borderline personality and borderline schizophrenia. The development of criteria // *Archives of General Psychiatry*. 1979. Vol. 36. N. 1. P. 17–24.
46. George L., Neufeld R.W.J. Magical ideation and schizophrenia // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1987. N. 55. P. 778–779.
47. Eckblad M., Chapman L.J. Magical ideation as an indicator of schizotypy // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1983. Vol. 51. N. 2. P. 215–225.
48. Turley D., Drake R., Killackey E., Yung A.R. Perceived stress and psychosis: The effect of perceived stress on psychotic-like experiences in a community sample of adolescents // *Early Intervention in Psychiatry*. 2019. Vol. 13. N. 6. P. 1465–1469. DOI: 10.1111/eip.12795. PMID: 30712294.
49. Fonseca-Pedrero E., Santarén-Rosell M., Lemos-Giráldez S. et al. Psychotic-like experiences in the adolescent general population // *Actas Españolas de Psiquiatría*. 2011. N. 3. P. 155–162.
50. Yung A.R., Nelson B., Baker K. et al. Psychotic-like experiences in a community sample of adolescents: implications for the continuum model of psychosis and prediction of schizophrenia // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 2009. Vol. 43. N. 2. P. 118–128. DOI: 10.1080/00048670802607188. PMID: 19153919.
51. Moukas G., Gourzis P., Beratis I.N., Beratis S. Sex differences in prepsychotic “prodromal” symptomatology and its association with Positive and Negative Syndrome Scale active phase psychopathology in male and female patients // *Comprehensive Psychiatry*. 2010. N. 5. P. 546–551. DOI: 10.1016/j.comppsy.2009.11.003. PMID: 20728014.
52. Nelson B., Fusar-Poli P., Yung A.R. Can we detect psychotic-like experiences in the general population? // *Current Pharmaceutical Design*. 2012. N. 4. P. 376–385. DOI: 10.2174/138161212799316136. PMID: 22239568.
53. Yung A.R., Buckby J.A., Cotton S.M. et al. Psychotic-like experiences in nonpsychotic help-seekers: associations with distress, depression, and disability // *Schizophrenia Bulletin*. 2006. Vol. 32. N. 2. P. 352–359. DOI: 10.1093/schbul/sbj018. PMID: 16254060. PMID: PMC2632224.
54. Turley D., Drake R., Killackey E., Yung A.R. Perceived stress and psychosis: The effect of perceived stress on psychotic-like experiences in a community sample of adolescents // *Early Interv. Psychiatry*. 2019. Vol. 13. N. 6. P. 1465–1469. DOI: 10.1111/eip.12795. PMID: 30712294.
55. Байрамова Э.Э. Сравнительный анализ проявлений магического мышления у здоровых лиц и лиц с эндогенной психической патологией. Школа молодых учёных «Шизофрения: настоящее, взгляд в будущее». Материалы III Всероссийской костромской школы молодых учёных и специалистов в области психического здоровья. 2016 г., 19–22 апреля. Москва-Кострома. ФГБНУ НЦПЗ. М.: Научный центр психического здоровья; 2016. с. 162–165.
56. Байрамова Э.Э. Магическое мышление в структуре когнитивных процессов в норме и при эндогенных психических заболеваниях. Восьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. 2018, октябрь 18–21. Светлогорск: Институт психологии РАН; 2018. с. 83–85.
57. Einstein D., Menzies R. Magical thinking in obsessive-compulsive disorder, panic disorder and the general community // *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*. 2006. Vol. 34. N. 3. P. 351–357.
58. Fite R.E., Adut S.L., Magee J.C. Do you believe in magical thinking? Examining magical thinking as a mediator between obsessive-compulsive belief domains and symptoms // *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*. 2020. Vol. 48. N. 4. P. 454–462. DOI: 10.1017/S1352465820000132. PMID: 32178750.
59. Worthy D.A., Gorlick M.A., Pacheco J.L. et al. With age comes wisdom: Decision-making in younger and older adults // *Psychological Science*. 2011. Vol. 22. P. 1375–1380. DOI: 10.1177/0956797611420301.

60. Beitel M., Ferrer E., Cecero J.J. Psychological mindedness and cognitive style // *Journal of Clinical Psychology*. 2004. Vol. 60. P. 567–582. DOI: 10.1002/jclp.10258.
61. Berle D., Starcevic V. Thought-action fusion: Review of the literature and future directions // *Clinical Psychology Review*. 2005. Vol. 25. N. 3. P. 263–284. ISSN 0272-7358.
62. Rachman S. A cognitive theory of obsessions // *Behaviour Research and Therapy*. 1997. Vol. 35. N. 9. P. 793–802. ISSN 0005-7967.
63. Salkovskis P.M. Obsessional-compulsive problems: A cognitive-behavioural analysis // *Behaviour Research and Therapy*. 1985. Vol. 23. N. 5. P. 571–583. ISSN 0005-7967.
64. Shafran R., Thordarson D.S., Rachman S. Thought-action fusion in obsessive compulsive disorder // *Journal of Anxiety Disorders*. 1996. Vol. 10. N. 5. P. 379–391. ISSN 0887-6185.
65. Eddy C.M., Hansen P.C. Alexithymia is a key mediator of the relationship between magical thinking and empathy // *Front. Psychiatry*. 2021. Vol. 24. P. 12. DOI: 10.3389/fpsy.2021.719961. PMID: 34504448. PMCID: PMC8421603.
66. Wildt B.T., Schultz-Venrath U. Magical ideation — defense mechanism or neuropathology? A study with multiple sclerosis patients // *Psychopathology*. 2004. Vol. 37. N. 3. P. 141–144. DOI: 10.1159/000078866. PMID: 15192318.
67. Abitov I. Manifestations of irrational thinking in neurotic disorders. In: *The Fifth International Luria Memorial Congress. (Lurian Approach in International Psychological Science.)* KnE Life Sciences; 2018. p. 12–19. DOI: 10.18502/2.
68. Саенко Ю.В. Исследование суеверности тестовым методом. Проблемы российской правовой системы. Инновационные процессы в образовании. Таганрог: Изд-во ТИУиЭ; 2003. с. 16–18.
69. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы невротогенеза. М.: Городец; 2018. с. 263–265.
70. Абитов И.Р. Когнитивные особенности лиц, страдающих невротическими расстройствами. В сб.: Абитов И.Р., Акбиров Р.Р., Сибгатуллина Л.Р., Родионов М.В. Когнитивные штудии: эмерджентность и сложность, когнитивные практики. Материалы VIII Международной междисциплинарной конференции. Вып. 8. Под ред. А.П. Лобанова, Н.П. Радчиковой. Минск: БГПУ; 2019. с. 100–107.
71. Абитов И.Р. Некоторые психологические особенности аддиктов, проходящих реабилитацию по программе «12 шагов». В сб.: Абитов И.Р., Акбиров Р.Р., Сибгатуллина Л.Р., Пушин А.А. Психология человека в условиях здоровья и болезни. Материалы VII Международной научно-практической конференции 7 июня 2017 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина; 2017. с. 107–113.
72. Passanisi A., Scaparo G., Pace U. Magical thinking and decision-making strategies among late adolescent regular gamblers: A mediation model // *Journal of Adolescence*. 2017. N. 59. P. 51–58. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.05.016. PMID: 28582650.
73. Armando M., Saba R., Monducci E. et al. Sottotipi di “psychotic-like experiences” in un campione comunitario di giovani adulti: correlati socio-demografici e uso di sostanze // *Harvard Review of Psychiatry*. 2012. Vol. 47. N. 5. P. 424–431. (In Italian.) DOI: 10.1708/1175.13033. PMID: 23160053.

REFERENCES

1. Korolenko CP, Shpiks TA. Psychology and psychiatry of spectral psychological states and disorders. *Neurological Bulletin*. 2015;XLVII(3):99–101. (In Russ.) DOI: 10.17816/nb13965.
2. Zhmurov VA. *Great Encyclopedia of Psychiatry*. 2nd ed. M.: Dzhangar; 2012. p. 465–466. (In Russ.)
3. Reber A. *Big explanatory psychological dictionary*. Trans. from English EYu Chebotarev. M.: Veche; 2000. 391 p. (In Russ.)
4. *Lexicon of psychiatric and mental health terms*. 2nd ed. Editor. VB Late. Geneva: World health organization; 1994. 74 p.
5. American Psychiatric Association. *Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders*. 5th ed. (DSM-5, DSM-V). Washington, DC, London: American Psychiatric Association; 2013. 970 p. ISBN 978-0-89042-554-1. ISBN 978-0-89042-555-8.
6. Meehl PE. *Manual for use with checklist of schizotypic signs*. Minneapolis: University of Minnesota, 1964. 106 p.
7. Karagodina EG. Social and individual aspects of modern mystical thinking (based on the study of psychic healers). *Social and Clinical Psychiatry*. 1997;7(3):67–89. (In Russ.)
8. Lindeman M, Svedholm AM, Takada M et al. Core knowledge confusions among university students. *Science & Education*. 2011;(20):439–451.
9. Saenko YV. Superstition as an obstacle to personal and professional development. In: *Acmeology: personal and professional development*. Proceedings of the international scientific conference, 7–8 October, 2004. M.: ECO Publishing House; 2004. 316 p. (In Russ.)
10. Fraser J. *Golden Bough. The study of magic and religion*. M.: Politizdat; 1980. p. 20–69 (In Russ.)
11. Taylor EB. *Primitive Culture*. Foreword and note by AI Pershitz. M.: Politizdat; 1989. p. 91–121. (In Russ.)
12. Ribot T. *Logic of feelings*. Translation by L Semenyut. St. Petersburg: ON Popova; 1905. p. 53–61. (In Russ.)
13. Lapshin II. *The Psychology of Emotional Thinking by Heinrich Mayer*: New ideas in philosophy. St. Petersburg: Obrazovanie. 1914(16):1–42. (In Russ.)
14. Levy-Bruhl L. *Primitive thinking*. Ed. VK Nikolsky, AV Kissin. M.: Atheist; 1930. p. 85–118 (In Russ.)
15. Freud Z. Totem and taboo. In: Freud Z. *Collected works in 10 volumes*. Vol. 9. M.: STD LLC; 2008. p. 288–445. (In Russ.)
16. Berne E. *Know yourself: On psychiatry and psychoanalysis — for all who are interested*. Translation from English A Gruzberg. Yekaterinburg: LITUR; 2004. p. 211–256. (In Russ.)
17. Fromm E. *Escape from freedom*. Gen. ed. and afterword PS Gurevich. M.: Progress; 1990. p. 6–27. (In Russ.)
18. Subbotsky EV. *Consciousness under construction*. M.: Meaning; 2007. p. 171–263. (In Russ.)
19. Subbotsky EV. Invisible reality: Consciousness in the mirror of magical thinking. *Psychologist*. 2015;(3):33–67. (In Russ.)
20. Miroshnichenko LD. *Drugs and addiction: an encyclopedic dictionary*. M.: Pero; 2014. p. 175. (In Russ.)
21. Stoimenov IA, Stoimenova MI, Koeva PI et al. *Psychiatric encyclopedic dictionary*. Kyiv: MAUP; 2003. p. 497. (In Russ.)
22. Piaget J. *Speech and thinking of the child*. Comp., new ed., translation from French, comment. Shaft. ValA Lukova, VIA Lukova. Moscow: Pedagogika-Press; 1994. p. 346–392. (In Russ.)
23. Rosengren K, Hickling A. Metamorphosis and magic: The development of children’s thinking about possible events and plausible mechanisms. In: Rosengren K, Johnson C, Harris P. *Imagining the impossible: Magical, scientific, and religious thinking in children*. Cambridge: Cambridge University Press; 2000. p. 75–98.

24. Zakharov AI. *Origin and psychotherapy of children's neuroses*. St. Petersburg: KARO; 2006. p. 28–48. (In Russ.)
25. Levesque RJR. Magical thinking. In: Levesque RJR. *Encyclopedia of Adolescence*. New York: Springer; 2011. p. 1635–1637.
26. Brashier NM, Multhaup KS. Magical thinking decreases across adulthood. *Psychology and Aging*. 2017;32(8):681–688. DOI: 10.1037/pag0000208. PMID: 29239653.
27. Dmitrieva TB, Polozhiy NS. Social psychiatry. In: *Psychiatry: a national guide*, editors. TB Dmitrieva, VN Krasnova, NG Neznanova, VYa Semke, AS Tiganova. M.: GEOTAR-Media; 2011. p. 147–149. (In Russ.)
28. Suvorova OV. Magical thinking as a coping — personality strategy: socio-cultural and ontogenetic aspects. *Nizhny Novgorod psychological almanac*. 2020;1(1):211–220. (In Russ.)
29. Kiken LG. Mind-body therapy use and magical thinking. *Social Science & Medicine*. 2019;237(9):312–340. DOI: 10.1016/j.socscimed.2019.05.045. Epub 2019 May 31. PMID: 31398509.
30. Saenko YuV. Superstition as a product of mythological thinking. In: *The creative heritage of A.V. Brushlinsky and O.K. Tikhomirov and modern psychology of thinking*. Moscow: Institute of Psychology RAS; 2003. p. 46. (In Russ.)
31. Stojanova IJ. *Pralogicheskie obrazovaniya v norme i patologii* [dissertation]. Tomsk; 2007. p. 303. (In Russ.)
32. Yalom ID. *Treatment of love and other psychotherapeutic novels*. M.: Independent Firm Klass; 2003. p. 73–77. (In Russ.)
33. Koroleva EG. *Deontology in psychiatry*. Educational and methodological guide. Grodno: UO “GrGMU”; 2009. p. 30–36. (In Russ.)
34. Kovalev VE. Magical thinking in modern society. In: *Young Russia*. Collection of materials of the XIII All-Russian scientific and practical conference with international participation. 2021, April 20–23. Kemerovo: Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev; 2021. p. 94719.1–94719.7. (In Russ.)
35. Statsenko AD. Charisma as a key to understanding the nature of magical thinking: a philosophical aspect. In: *Actual problems of modern science: historical, philosophical, methodological aspects*. Collection of articles of the Regional Scientific Conference of Young Scientists. 2021, May 07. Kursk: Closed joint-stock company “Universitetskaya kniga”; 2021. p. 64–69. (In Russ.)
36. Keinan G. Effects of stress and tolerance of ambiguity on magical thinking. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994;(67):48–55. DOI: 10.1037/0022-3514.67.1.48.
37. Olshansky DV. *Psychology of the masses*. St. Petersburg: Piter; 2001. p. 50–51. (In Russ.)
38. Stoyanova IY, Semke VY, Bokhan NA. *Pralogical formations in the adaptive-protective system in patients with mental disorders of the non-psychotic spectrum and in the norm (psychological model)*. Research Institute of Mental Health, Siberian Department. Russian academy of medical sciences. Tomsk: Ivan Fedorov; 2009. p. 52–53. (In Russ.)
39. Suvorova OV. Magical thinking as coping — personality strategy: socio-cultural and ontogenetic aspects. *Nizhny Novgorod psychological almanac*. 2020;1(1):211–220. EDN: HDDZVZ. (In Russ.)
40. Bayramova EE. Magical thinking and belief in magic in the structure of psychological defenses and coping strategies. *Psychology. Psychophysiology*. 2021;14(4):5–13. (In Russ.)
41. Karagodina EG. Phenomena of altered perception in psychic healers: Psychopathological and sociocultural analysis. *Social and Clinical Psychiatry*. 1996;6(2):56–65. (In Russ.)
42. Yung AR, Buckby JA, Cotton SM et al. Psychotic-like experiences in nonpsychotic help-seekers: associations with distress, depression, and disability. *Schizophrenia Bulletin*. 2006;32(2):352–359. DOI: 10.1093/schbul/sbj018. PMID: 16254060.
43. Jarosz M, Pankiewicz Z, Buczek I et al. Badania nad kształtowaniem się proporcji “myslenie realistyczne — myslenie magiczne” w schizofrenii paranoidalnej. *Psychiatria Polska*. 1993;27(4):353–361. PMID: 8415996.
44. Bayramova EE, Enikolopov SN. The study of magical thinking in persons with endogenous mental illness. *Clinical and medical psychology: research, training, practice. Electron. scientific magazine*. 2016;(4). http://www.medpsy.ru/climp/2016_4_14/article03.php (access date: 13.12.2022). (In Russ.)
45. Spitzer RL, Endicott J, Gibbon M. Crossing the border into borderline personality and borderline schizophrenia. The development of criteria. *Archives of General Psychiatry*. 1979;36(1):17–24.
46. George L, Neufeld RWJ. Magical ideation and schizophrenia. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1987;(55):778–779.
47. Eckblad M, Chapman LJ. Magical ideation as an indicator of schizotypy. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1983;51(2):215–225.
48. Turley D, Drake R, Killackey E, Yung AR. Perceived stress and psychosis: The effect of perceived stress on psychotic-like experiences in a community sample of adolescents. *Early Intervention in Psychiatry*. 2019;13(6):1465–1469. DOI: 10.1111/eip.12795. PMID: 30712294.
49. Fonseca-Pedrero E, Santarén-Rosell M, Lemos-Giráldez S et al. Psychotic-like experiences in the adolescent general population. *Actas Españolas de Psiquiatría*. 2011;(3):155–162.
50. Yung AR, Nelson B, Baker K et al. Psychotic-like experiences in a community sample of adolescents: implications for the continuum model of psychosis and prediction of schizophrenia. *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. 2009;43(2):118–128. DOI: 10.1080/00048670802607188. PMID: 19153919.
51. Moukas G, Gourzis P, Beratis IN, Beratis S. Sex differences in prepsychotic “prodromal” symptomatology and its association with Positive and Negative Syndrome Scale active phase psychopathology in male and female patients. *Comprehensive Psychiatry*. 2010;(5):546–551. DOI: 10.1016/j.comppsy.2009.11.003. PMID: 20728014.
52. Nelson B, Fusar-Poli P, Yung AR. Can we detect psychotic-like experiences in the general population? *Current Pharmaceutical Design*. 2012;(4):376–385. DOI: 10.2174/138161212799316136. PMID: 22239568.
53. Yung AR, Buckby JA, Cotton SM et al. Psychotic-like experiences in nonpsychotic help-seekers: associations with distress, depression, and disability. *Schizophrenia Bulletin*. 2006;32(2):352–359. DOI: 10.1093/schbul/sbj018. PMID: 16254060. PMID: PMC2632224.
54. Turley D, Drake R, Killackey E, Yung AR. Perceived stress and psychosis: The effect of perceived stress on psychotic-like experiences in a community sample of adolescents. *Early Interv Psychiatry*. 2019;13(6):1465–1469. DOI: 10.1111/eip.12795. PMID: 30712294.
55. Bayramova EE. Comparative analysis of the manifestations of magical thinking in healthy individuals and those with endogenous mental pathology. In: *School of young scientists “Schizophrenia: the present, a look into the future”*. Materials of the III All-Russian Kostroma school of young scientists and specialists in the field of mental health. 2016, April 19–22.

- Moscow-Kostroma. M.: Mental Health Research Center; 2016. p. 162–165. (In Russ.)
56. Bayramova EE. Magical thinking in the structure of cognitive processes in the norm and in endogenous mental illnesses. In: *Eighth International Conference on Cognitive Science: abstracts*. 2018, October 18–21. Svetlogorsk: Institute of Psychology RAS; 2018. p. 83–85. (In Russ.)
57. Einstein D, Menzies R. Magical thinking in obsessive-compulsive disorder, panic disorder and the general community. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*. 2006;34(3):351–357.
58. Fite RE, Adut SL, Magee JC. Do you believe in magical thinking? Examining magical thinking as a mediator between obsessive-compulsive belief domains and symptoms. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*. 2020;48(4):454–462. DOI: 10.1017/S1352465820000132. PMID: 32178750.
59. Worthy DA, Gorlick MA, Pacheco JL et al. With age comes wisdom: Decision-making in younger and older adults. *Psychological Science*. 2011;(22):1375–1380. DOI: 10.1177/0956797611420301.
60. Beitel M, Ferrer E, Cecero JJ. Psychological mindedness and cognitive style. *Journal of Clinical Psychology*. 2004;(60):567–582. DOI: 10.1002/jclp.10258.
61. Berle D, Starcevic V. Thought-action fusion: Review of the literature and future directions. *Clinical Psychology Review*. 2005;25(3):263–284. ISSN 0272-7358.
62. Rachman S. A cognitive theory of obsessions. *Behaviour Research and Therapy*. 1997;35(9):793–802. ISSN 0005-7967.
63. Salkovskis PM. Obsessional-compulsive problems: A cognitive-behavioural analysis. *Behaviour Research and Therapy*. 1985;23(5):571–583. ISSN 0005-7967.
64. Shafraan R, Thordarson DS, Rachman S. Thought-action fusion in obsessive compulsive disorder. *Journal of Anxiety Disorders*. 1996;10(5):379–391. ISSN 0887-6185.
65. Eddy CM, Hansen PC. Alexithymia is a key mediator of the relationship between magical thinking and empathy. *Front Psychiatry*. 2021;24:12. DOI: 10.3389/fpsy.2021.719961. PMID: 34504448. PMCID: PMC8421603.
66. Wildt BT, Schultz-Venrath U. Magical ideation — defense mechanism or neuropathology? A study with multiple sclerosis patients. *Psychopathology*. 2004;37(3):141–144. DOI: 10.1159/000078866. PMID: 15192318.
67. Abitov I. Manifestations of irrational thinking in neurotic disorders. In: *The Fifth International Luria Memorial Congress. (Lurian Approach in International Psychological Science)*. KnE Life Sciences. 2018: 12–19. DOI 10.18502/2.
68. Saenko YV. *The study of superstition by the test method. Problems of the Russian legal system. Innovative processes in education*. Taganrog: TIUE Publishing House; 2003. p. 16–18. (In Russ.)
69. Mendelevich VD. *Anticipatory mechanisms of neurogenesis*. M.: Gorodets; 2018. p. 263–265. (In Russ.)
70. Abitov IR. Cognitive features of persons suffering from neurotic disorders. In: Abitov IR, Akbirova RR, Sibgatullina LR, Rodionov MV. *Cognitive studies: Emergence and complexity, cognitive practices*. Proceedings of the VIII International interdisciplinary conference. Issue. 8. Ed. AP Lobanova, NP Radchikova. Minsk: BSPU; 2019. p. 100–107. (In Russ.)
71. Abitov IR. Some psychological features of addicts undergoing rehabilitation under the program “12 steps”. In: Abitov IR, Akbirova RR, Sibgatullina RR, Pushin AA. *Human psychology in conditions of health and disease*. Materials of the VII International scientific-practical conference June 7, 2017. Tambov: Publishing House of TSU named after GR Derzhavin; 2017. p. 107–113. (In Russ.)
72. Passanisi A, Craparo G, Pace U. Magical thinking and decision-making strategies among late adolescent regular gamblers: A mediation model. *Journal of Adolescence*. 2017;(59):51–58. DOI: 10.1016/j.adolescence.2017.05.016. PMID: 28582650.
73. Armando M, Saba R, Monducci E et al. Sottotipi di “psychotic-like experiences” in un campione comunitario di giovani adulti: correlati socio-demografici e uso di sostanze. *Harvard Review of Psychiatry*. 2012;47(5):424–431. DOI: 10.1708/1175.13033. PMID: 23160053.

ОБ АВТОРЕ

Чертисhev Михаил Сергеевич, каф. психиатрии и медицинской психологии, аспирант;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8692-1868>;
e-mail: chertishev.mihail@mail.ru

AUTHOR INFO

Michail S. Chertishchev, Postgraduate Student, Depart. of Psychiatry and Medical Psychology;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8692-1868>;
e-mail: chertishev.mihail@mail.ru